Карельский язык: от истоков до современности

И.И. Муллонен,
директор Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Ливвики на этноязыковой карте Карелии

Территория расселения карелов-ливвиков на Олонецком (или Онежско-Ладожском) перешейке не входила в ареал формирования карельского этноса на рубеже I — II тыс. Она тяготеет к бассейнам рек, впадающим в Ладожское озеро с восточного берега, и отделена от коренной карельской территории северного Приладожья участком северо-восточного побережья и прилегающих к нему земель с обширными болотами, отсутствием плодородных речных долин и заливов (ср. название ладожского побережья Pitkäranta «Долгий берег»), освоение которого начинается, видимо, только в XV — XVI вв. и происходит как вторичное, с одной стороны, из северного Приладожья, с другой — из олонецких земель. В выступлении анализируются условия и причины формирования ливвиковской этнической территории и её границ. Эти процессы рассмотрены подробнее [Муллонен, 2012, 2014].

Привлечение языкового и, в частности, топонимического, материала убедительно свидетельствует о присутствии в ливвиковском наречии мощного вепсского языкового наследия. Как и людиковское, оно сформировалось в ходе столкновения, наложения двух языковых составляющих — вепсской и карельской или — иначе — перехода на карельский носителей вепсского языка с одновременным сохранением целого ряда вепсских языковых особенностей на всех языковых уровнях. На Олонецком перешейке, освоенном, видимо, к рубежу I — II тыс. вепсами, произошла в середине — второй половине II тыс. н.э. «карелизация» вепсов карелами, продвинувшимися из северного Приладожья.

Ситуацию вепсско-карельского взаимодействия в ливвиковско-людиковском ареале отражает и история этнонима ливвики (livvi, livvikõi), имеющего общие истоки с названием людики, которое является не только самоназванием людиков (lyydikoi), но и вепсов (lydilaine), проживающих в северном и южном Посвирье. Территориально этноним людики тяготеет к Свири. При этом в более отдалённых от Свири местностях, как на юг, так и на север, бытует этноним vepsä «вепсы». На юге он привязан к живому вепсскому населению. На севере

же вепсами называют своих южных соседей людиков сегозерские карелы. Его наследие хорошо прослеживается также в топонимии в северном Сямозерье. Такая ареальная дистрибуция имеет, по-видимому, историческую подоплёку. Можно полагать, что этноним lyydi распространился по Свири вместе с новгородским освоением (древнерусс. люди, людин «свободный человек») и называл местных вепсов, которые в то время (первые века второго тысячелетия) были основным населением как южного, так и северного Присвирья. Само название вепсы сохранилось только в отдалённых от Свирского побережья местностях как на севере, так и на юге. Иначе говоря, русское освоение разделило единый ареал, в то время вепсский, на север и юг. В дальнейшем в ходе продвижения карельского освоения из северо-западного Приладожья происходила постепенная карелизация вепсского северного Присвирья, и этноним начинает со временем обозначать здесь карелизированных вепсов — ливвиков и людиков.

Формирование южной границы ливвиковского этноязыкового ареала объясняется именно в этом контексте русского продвижения по Свири, которое, видимо, явилось своего рода препятствием для выхода карелов за пределы рек Ладожского бассейна на северные притоки реки — Усланку, Мандрогу, Важинку. Карельская составляющая в населении здесь была незначительная и явно уступала древней вепсской, что и привело к формированию в северном Присвирье не ливвиковского, а людиковского населения, в котором вепсский этноязыковой компонент сохранился лучше.

Северная граница ливвиковской территории, тянущаяся от северо-восточного угла Ладожского озера через среднее течение Шуи к низовьям Суны, чётко накладывается на ту границу, которая реконструируется по свидетельствам топонимии как северная граница исторической вепсской территории. Последняя, в свою очередь, повторяет очертания северной границы зоны среднетаёжных сосновых лесов, а также южной климатической зоны. При этом важно, что природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно. Иначе говоря, границы земледельческого вепсского продвижения на север были обусловлены климатическими и географическими обстоятельствами. На этапе карельского продвижения из северного Приладожья по Шуе произошла «карелизация» вепсов. К северу от этой границы распространено собственно карельское наречие, в котором нет вепсского субстрата.

При формировании восточной границы ливвиковской территории исключительно важную роль сыграл транзитный водно-волоковый путь, соединяющий Присвирье через Онежское озеро с Белым морем. Его южный участок совпадает с ливвиковско-людиковской границей. Среднее и верхнее течение Свири изобилует порогами, поэтому издревле был известен путь вдоль север-

ного притока Свири реки Важинки через водораздел в Святозеро и далее на реку Шую и в Онежское озеро. Вепсы использовали его долгое время, в том числе и в период активного карельского освоения Онежско-Ладожского перешейка. Его реконструируют ареалы некоторых сугубо вепсских топонимных моделей, например, Kukoinhar'j (Петушиный Гребень), которая использовалась вепсами для называния незначительных возвышенностей. Карта показывает, что она чётко коррелирует с упомянутой водной дорогой на север и одновременно людиковско-ливвиковской границей. Здесь отмечены урочище Kukuoinhard' в Мошничье на реке Важинке, поле Kukuenhard'a в старинном людиковском селе Святозеро, урочище Kukoiharja на восточном берегу озера Сямозеро. Этот ряд замыкается на севере названием расположенной на болоте песчаной возвышенности Петушиный Гребень (с. Шайдома), которое, по всей видимости, является переводной калькой вепсского оригинала. Очевидно, выход вепсов вдоль этого водного пути на север, на реку Шую, препятствовал в определённой степени поступательному движению карелов с запада на восток по Шуе, и в результате к западу от вепсского пути сформировалась ливвиковская территория, где вепсский компонент значительно более слаб, а карельский более силён, чем в восточном людиковском наречии.

В ходе колонизации вепсских территорий Онежско-Ладожского водораздела карелы усваивали и адаптировали некоторые вепсские топонимы, бытовавшие здесь. В ряд таких усвоенных изначально вепсских топонимов заманчиво отнести рус. Олонец / карел. Anus, фин. Aunus/. В соответствии с закономерностями фонетической адаптации русск. Олонец восходит к Aunus, о чём мне уже приходилось писать [Муллонен, 2002: 50—51], при этом финское название Олонца, видимо, донесло до наших дней некий вариант звучания, бытовавший в прошлом в карельском ареале, но утраченный с течением времени. Сопоставление вариантов Aunus и Anus дает основание полагать, что это две разные говорные реминисценции более древнего облика названия *Ahnus. Неустойчивость h в подобной фонетической ситуации демонстрируют и некоторые примеры из лексики карельского и финского языков [Itkonen 1987], так что *Ahnus, Anus (и Aunus как промежуточный вариант на пути утраты h) выстраиваются в закономерный ряд. У этого реконструированного топонима есть практически полная тёзка — река с названием Ahnus в вепсском Прионежье, из вепс. ahn «окунь». Истинность этой интерпретации подтверждает русский вариант названия — Остречина (приток р. Ивинки): новгородское остреч значит «окунь». На реке когда-то стоял известный административный центр Остречинский погост, поэтому название было рано усвоено в русский язык. В вепсском языке прибалтийско-финское слово ahven «окунь» в некоторых случаях претерпело характерные изменения, сократившись до ahn. Можно, таким образом, полагать,

что название реки Олонки имеет вепсские корни. В нём топооснова вепсского типа оформлена характерным суффиксом -us, свойственным для названия рек (ср. Tänus, Mundus, Habarduz, Petl'us и др. в вепсском Присвирье). Возможно, в этом же ряду Sambatus, Marandus, Tulos на ливвиковской территории.

Приток карелов из карельского северного Приладожья проходил, с одной стороны, по Шуе, что подтверждают, к примеру, ареалы ряда топонимных моделей, объединяющих северное Приладожье, бассейн Шуи и Олонецкий перешеек. С другой стороны, видимо, карелы проникали и вдоль ладожского побережья. Один из таких ладожских маршрутов пролегал через Валаамский архипелаг с выходом в Салми. Хронологически этот процесс был растянут во времени, однако к середине II тыс. н.э. он набирает силу в связи с русско-шведским противостоянием в Северо-Западном Приладожье. Очевидно в это же время начинается смена этнического и языкового самосознания местными вепсами на карельские, указывающая на значительную «пассионирность» карельских поселенцев.

Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. — Петрозаводск, 2002.

Муллонен И.И. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды Карельского научного центра РАН, 2012, № 4. С. 13 — 24.

Муллонен И.И. Формирование диалектной карты карельского языка // Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. — Петрозаводск, 2014.

Itkonen T. Eräan vokaalivyyhden selvittelyä // Virittäjä, 1987, № 2. S. 164—208.

Н.Н. Антонова,
член правления РМОО «Nuori Karjala» («Молодая Карелия»),
региональный координатор российско-финляндского проекта
«Финно-угорские языки и культуры в дошкольном образовании»

Состояние карельского языка с точки зрения языкового активиста. Роль системы воспитания, образования и гражданской деятельности в жизнестойкости карельского языка

Вопрос о современном состоянии карельского языка интересен с точки зрения реальной возможности отследить динамику его развития за последние 25 лет, когда на официальном республиканском уровне был принят алфавит, разработаны программные мероприятия по организации его обучения и пре-